

Егор ХОЛМОГОРОВ

РУССКИЕ

НАЦИЯ • ЦИВИЛИЗАЦИЯ • ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ
ПРАВО РУССКИХ НА РОССИЮ

Егор Холмогоров

**Русские. Нация, цивилизация,
государственность и
право русских на Россию**

«Книжный мир»

2020

УДК 323.1
ББК 66.3(2Рос)

Холмогоров Е. С.

Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию / Е. С. Холмогоров — «Книжный мир», 2020

ISBN 978-5-6043990-7-1

Новая книга Егора Холмогорова посвящена вопросу русской идентичности в ее историческом, цивилизационном и политическом ключе. Как развивалось русское национальное сознание? «Русский» – это существительное или прилагательное? Каковы основные черты русской цивилизации? Существует ли особая историческая миссия русской нации? Какова была роль советского периода в национальной истории XX века? Имеют ли русские право на национальное воссоединение? Как могла бы выглядеть учитывающая русские интересы преамбула российской конституции? О какой России будущего говорят русские национал-консерваторы? Предлагаемая читателю книга отвечает на эти вопросы.

УДК 323.1
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-6043990-7-1

© Холмогоров Е. С., 2020
© Книжный мир, 2020

Содержание

Предисловие	5
Раздел I	7
Русские – не прилагательное	9
Кто же такие русские?	11
Можно ли русским стать или только родиться?	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Егор Холмогоров

Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию

Предисловие

Всенародное обсуждение поправок в конституцию РФ поставило перед нашим обществом с новой силой вопрос о законном месте в ней русской нации. Необходимость упоминания государствообразующей роли русского народа для здравомыслящего и ответственного человека вполне очевидна. Не то – наша бюрократия, правящая от имени мифического «многонационального народа», для которой такое упоминание страшно тем, что это табличка с именем подлинного хозяина бесхозного и раскрадываемого русского дома.

Потому не удивительно, что пускаются в ход нечистые уловки. «А кто такие русские?», «А определитесь сначала», «А что – будете черепа мерить?», «Русский – не национальность, а состояние души», «Русский – это прилагательное», «А что делать если у меня отец пингвин, а мать шумер» – кривляются в прессе и соцсетях.

На самом деле вопрос о русской национальной, исторической и культурной идентичности вполне ясен и доступен здравому уму. Русские – древняя историческая нация с хорошо заметными узнаваемыми чертами исторического пути, национального характера и своеобразной великой цивилизации. Русские самая многочисленная единая нация планеты (все те, кто в рейтинге выше нас, на деле не нации, а конгломераты, расколотые по языку, культуре, расе и т. д.). При этом, увы, мы самая многочисленная разделенная нация – значительная часть русских вынуждена проживать за пределами России, а сама Россия упорно отказывается признавать себя государством, несущим ответственность за русский народ.

Собранные в этой небольшой книге тексты написаны за последние годы и посвящены вопросу русской идентичности в ее историческом, цивилизационном и политическом ключе. Как развивалось русское национальное сознание? «Русский» – это существительное или прилагательное? Каковы основные черты русской цивилизации? Существует ли особая историческая миссия русской нации? Какова была роль советского периода в национальной истории XX века? Имеют ли русские право на национальное воссоединение? Как могла бы выглядеть учитывающая русские интересы преамбула российской конституции? О какой России будущего говорят русские национал-консерваторы, подобные мне? Предлагаемая читателю небольшая книга отвечает на эти вопросы.

В заключение этого предисловия автор хотел бы поблагодарить тех, без чьей поддержки появление и публикация этих текстов не были бы возможны. Телеканал «Царьград» и его владельца Константина Валерьевича Малофеева, заместителя председателя Всемирного Русского Народного Собора. Общество русского исторического просвещения «Двуглавый орел» и его основателя генерал-лейтенанта Леонида Петровича Решетникова. Альманах «Тетради по консерватизму», и лично Родиона Михайлова и Леонида Полякова. «Изборский клуб» и лично Виталия Аверьянова. И, разумеется, издательство «Книжный мир» и Дмитрия Лобанова, решившегося в короткие сроки издать эту книгу.

Борьба за русскую Россию, за признание права русских на Россию продолжается и в конституционном, и в политическом поле.

Мы русские, – с нами Бог!

Раздел I

Русское самосознание

Без русских никакой России не будет. Чтобы была Россия нужны русские, нужно, чтобы русских было больше и мы становились всё более русскими – народом с глубоким и гордым историческим самосознанием и уверенностью в собственных силах. Необходимо, как выражался некогда министр народного просвещения Российской Империи граф Уваров: «Развить русскую национальность на истинных её началах и тем поставить её центром государственного быта и нравственной образованности».

И напротив, путь к гибели страны – делать так, чтобы русские ощущали себя гонимым и угнетаемым меньшинством, испытывали желание сесть на трактор и «сбежать из России». Виноваты в том, что у части русских граждан появились соответствующие настроения были и власть, десятилетиями не замечавшая русскую проблему и сводившая единство России к тому, чтобы «не обижать гордые народы».

Национальная политика нашей бюрократии долгое время сводилась к двум догмам.

Догма первая: главную угрозу для существования России и политической стабильности представляет Обида Народов, то есть недовольство национальных меньшинств своим положением в стране, которое может перетечь в сепаратистское желание отделиться. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать таких обид. Все национальности, проживающие в России, нужно не просто уважать, а ублажать, всячески подчеркивая многосоставность Российского государства.

Догма вторая: главной причиной, вызывающей Обиду Народов, являются русские, составляющие более 80 % населения страны и потому время от времени непolitкорректно вспоминающие о своем праве на Россию. Любое проявление русского национального самосознания в логике этой догмы было чревато обидой всех прочих. Вот почему его надо было подавлять, затушевывать, принижать. Следует пореже говорить о русских, зато почаще о «россиянах», «российской идентичности», некоей многонациональной российской культуре.

Получалась абсурдная конструкция: укрепление идентичности малых народов укрепляет единство России, а укрепление идентичности русского народа угрожает стране расколом.

Результат этой политики был вполне предсказуем, хотя и оказался совсем не тем, на который рассчитывали ее авторы. Русские обозлились и обиделись. При том что русские – один из крупнейших в мире и крупнейший в Европе этнос.

У нас стало формироваться поведение меньшинства, фактически диаспоры в своей собственной стране. Не то чтобы это было однозначно плохо – механизмов этнической солидарности русскому народу в его истории часто не доставало. Однако началось ползучее растожествление в массовом русском сознании нации и государства. Русских долгое время убеждали в том, что Россия им не принадлежит. Наконец почти убедили. Появились даже озлобленные теории о том, что Россия по своей сущности – антирусское государство, «тюрьма народа». Никакие мятежи окраин и обиды меньшинств не смогут сравниться с обидой большинства.

Когда несколько лет назад носители бюрократического антинационализма начали осознавать проблему, они решили модифицировать сам консенсус. Составной частью этого консенсуса теперь было покрикивать на русских, напоминая им, что долг национального большинства состоит в «жертвенном служении» остальным, что русский дух выражает себя в том, чтобы не хотеть ничего своего для себя. От русского народа требовали самопожертвования во имя уже утвержденных бюрократией бюджетных планов по введению толерантности и многонациональности. Для убедительности грозили ужесточением наказаний за экстремизм.

Тут есть в чем упрекнуть и нас самих, русских националистов, которые вцепились в психологию меньшинства и начали её старательно культивировать, периодически позволяя себе ещё и такие задвиги: «Русской нации никогда не было, из-за злобредности государства она не сложилась». «Ну и замечательно говорите, – скажут в ответ на это противники русской нации, – раз не было, значит и не будет, а будет вам нация российская, «многонациональная». Это называется «сами себя обслужили».

Особый счет следует предъявить к медиа, которые с яростью отрицали само существование русских. Всё-то у нас чужое, всё-то у нас некузьявое, – нет ни русской кухни, ни русских песен, ни русского костюма, да и самих русских как таковых нет – мол, «русский это не существительное, а прилагательное».

Иногда эту несусветную дичь повторяли в приступе национального самоедства даже некоторые мыслители-патриоты: «Одной из черт русского характера является способность к самой жесткой самокритике. В этом отношении мы, пожалуй, превосходим кого угодно» – отмечал известный литературовед-евразиец В.В. Кожин. Он объяснил это тем, что «русские называют себя именем прилагательным, т. е. есть определенная неуверенность, поскольку русские предстают не столько как нация, сколько как некое скрепляющее огромный субконтинент начало». Тем самым публицист, впрочем, не он первый и не он последний, дал наглядный урок той самой неуверенности и чрезмерной национальной самопривередливости и самокритики о которых говорил.

Русские – это не цемент и не скрепка. Русские – это именно нация. Одна из древнейших наций Европы. То, что русская нация входит в число старейших наций Европы – факт, утверждаемый в любом мало-мальски серьезном исследовании истории наций и национализма.

«Старыми нациями Европы в 1789 году были на западе – англичане, шотландцы, французы, голландцы, кастильцы и португальцы; на севере – датчане и шведы; и на востоке – венгры, поляки и *русские*» – писал в 1977 году британский исследователь Хью Сетон-Уотсон.

Ему вторит другой британец – Энтони Смит в работе «Национализм и модернизм» отметивший, что ключевые составляющие нации – структуры, чувства и симпатии «можно проследить – источников, подтверждающих это достаточно – по крайней мере с позднего средневековья у большинства европейских наций – от Англии и Франции до Польши и *России*. Они свидетельствуют об определенной национальной преемственности».

Русские не только входят в число «наций до национализма» (с которых брался образец для других, искусственно сконструированных наций нового времени), но и сам национализм наш очень старый, один из старейших в Европе.

Если даже не говорить о русском этническом или патриотическом чувстве, которое для XVIII века весьма ярко описала израильско-американская исследовательница Лия Гринфельд в книге «Национализм. Пять путей к современности», то русская националистическая мысль как минимум не младше немецкой, её первый развернутый манифест, статья Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» с её знаменитым «*русский должен знать цену свою*» относится к 1802 году.

Традиция русского интеллектуального национализма насчитывает десятки имён крупнейших мыслителей, писателей, поэтов. Не так давно опубликованный обширный том «Национализм. Pro et Contra» – своеобразная антология (далеко не полная) русской националистической мысли от Карамзина и Шишкова до наших дней, занимает 800 страниц основного текста без примечаний и охватывает десятки имен.

Ни о какой мнимой «прилагательности» русского имени или мнимой «расплывчатости» русской национальной идентичности речи идти не может и не должно.

Русские – не прилагательное

Именем народа, создавшего Русское государство, первые несколько столетий его истории было «Русь» (правильное единственное число – «русин»).

В «Слове о полку Игореве» фигурирует еще и уникальное по своей красоте слово «русичи» – это интересная словоформа, обозначающая совокупность носителей национального начала, где носителем этнической идентичности являются и каждый в отдельности, и все вместе.

Прилагательное же «русский» использовалось как определение при том или ином существительном – «язык» (в смысле «народ», аналогично латинскому «gens»), «земля», «князь», «люди», «послы», «закон», «власть», «род», «волость», «сторона/страна», «град», «митрополия», «море», «ладьи», «имя», «челядин», «сыны», «вои», «полки», «праздник», «познание», «устремление» – всё это в древнерусской словесности XI века определяется как «русское».

Форма этого слова в допечатную эпоху не была устойчивой – встречаются варианты «русские», «русьские», «руския», «рузьские», «руст in». С XVI века начинает распространяться форма «русские/русский», она возникла под западным влиянием, слово «Russia» давно закрепились в латинских документах, в греческих же закрепились слово «Ршо(а)», которое так же распространилось довольно широко (через промежуточную форму «Русия») и вошло в государственный обиход. Петр I скрестил оба эти влияния и его государство, вместо старинного «Русь» начало официально называться «Россия».

Приведем, как пример классического употребления этнонима в допетровской русской письменности, два рассказа «Степенной книги», первый, – о знамени татарам на реке Свияге перед взятием Казани и второй – о причинах Ливонской войны и «о многочудесной победе на ливонские немцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велиада, и иных многих»:

«Такоже и на Свіаге реце близъ великія реки Волги на месте, идеже ныне стоитъ градъ Свіажскій, многажды видаху Татарове, иже близъ места того живущіи, человека в иночестей одежди ходяща, иногда же видеша яко стреляюща инока того; видящи же страхомъ одержими, и не смеяху ни приблизитися къ месту тому.

Иногда же и звонъ слышаху на месте томъ, и пенія богогласна многихъ гласов. Овогда же видаху, яко священники на месте томъ пояху и кадаху. Зряще же сія Татарове дивляхуся, и тужаху, и къ себе глаголаху; «Разумети есть по всему, яко быти на томъ месте православію и церквамъ Христіанскимъ, и жителствовати ту **Рускимъ** людемъ» еже и бысть благодатию Христовою».

«Гордостнии немцы и всех жителей **рускихъ** истребиша отъ земля Ливонскія, и дома их, и вся **руския** коньци, иже въ градах ливонскихъ, себе похитиша, также паки потомъ и приходящимъ к нимъ рускимъ гостемъ и всякимъ купцемъ многу тщету купли ихъ содеваху и имени их лишаху...»

Употребление слова «русский» как определения при существительном было единственной нормой русского литературного языка до петровских реформ, распространяясь и на другие этнонимы – «немецкие люди», «литовские люди», «персидские люди», «турецкие люди» (точно так же как сегодня англичанин именуется себя englishman – «английский человек»).

«Эллипсис», как выражаются лингвисты, то есть опущение слова «люди» и субстантивация прилагательного «русский», превращение его в самостоятельное существительное вместо определения, намечается лишь в середине XVII века, причем сперва его можно объяснить преимущественно усталостью писцов от тавтологий.

По всей видимости первый случай употребления субстантивированного прилагательного «русский» находится в Соборном уложении 1649 года.

«А которые литовские полоняники женаты в боярских дворах на русских крепостных и на старинных робах, или которые жонки или девки литовские полоняньки в боярских дворах выданы замуж за крепостных, или за кабалных холопей, а в приводе те литовские полоняники и полонянки перед бояры в роспросе сказались, что они в Литву итти, и у тех своих бояр, где они поженились на русских, и полонянки, которые выданы замуж за русских, жить не хотят, и те литовские полоняники с женами с рускими жонками, и полонянки с мужьями, с рускими людьми из боярских дворов и ото всяких чинов людей свободены и велено жить им на воле, где кто похочет».

Настоящий лингвистический сдвиг относится лишь к петровской эпохе, когда русский язык подвергается мощнейшему воздействию западноевропейских, прежде всего – немецкого, языков. Тогда-то вместо существительных с определением «русский» и форм «русь», «русин» и т. д. начинает употребляться в качестве этнонима субстантивированное прилагательное «русский», причем до начала XIX века соперничая в качестве явления низкого штиля со славянизмом высокого штиля «россиянин». Характерно, что в упомянутом выше рассуждении «О любви к отечеству и народной гордости», Карамзин последовательно пользуется словом «русский» как субстантивом, а в «Записке о древней и новой России» и «Истории» всё больше места занимают «россияне», хотя до конца «русских» всё же не вытесняют.

В простом русском народе слово «русский» употребляется с гордостью. Достаточно открыть «Русские пословицы» Даля и почитать, что там сказано о русских или можно заглянуть в русские исторические песни:

*Как два ясные соколы
В едино место слетались.
Помогай Бог молодцу
Дворянину русскому!*

(На литовском рубеже)

*Не труба трубит звонка золота,
Как возговорит Православный Царь.
«Ой вы, русские добры молодцы!
Вы седлайте все ретивых коней,
Надевайте вы сабли вострые,
Что идет злодей на святую Русь!
Есть ли Минины и Пожарские?..*

(Песня ополченцев 1812 года)

Напористый субстантив «русский» становится в XIX–XX вв. знаменем именно национального образа мысли, символом националистического направления у деятелей русской культуры – славянофилов, почвенников, национал-государственников. И прилагательные и существительные со словом «русский» означают человека определенного образа мысли: «русское воззрение», «русское направление», «истинно русские», «русская партия».

Кто же такие русские?

Кто такие русские? Этот вопрос любят задавать с подковыркой всевозможные недоброжелатели русских, полагающие, что на этот вопрос невозможно найти ответ. В «Декларации русской идентичности» принятой «Всемирным русским народным собором» в 2014 году дана если не окончательная, то, в целом, довольно удачная формула:

«Русский – это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

Если человек не считает себя русским, то обсуждать с ним его русскость бессмысленно. Если человек, подобно Протею, манипулирует своей идентичностью, то он русский, то финн, то друг степей калмык, если из его непрерывно меняющейся родословной то наступают ордой кочевники, то приплывают в варварскую страну просвещенные мореплаватели, то очевидно, что русским он себя не считает.

Если человек не говорит и не думает на русском языке, то отсутствует тот процесс непрерывной актуализации идентичности, который происходит в соприкосновении с языковой стихией.

Если человек не ощущает солидарности с русским народом, если ему чуждо чувство братства с представителями своего народа – братства помимо классовых, имущественных, образовательных границ, то «он был средь нас чужой».

Нация – не организация со свободным членством. В основе своей это связь поколений, прошлых и будущих, традиция, которая передается через рождение, воспитание, приятие наследия предков. Чтобы народ создал великую культуру, приобщаясь к которой выходцы из других народов хотели бы бормотать даже на смертном одре «строчки из Александра», необходимо, чтобы в основе этой культуры лежала живая, передающаяся от отца к сыну традиция, чтобы первое чувство национального самоопределения возникало с первой материнской колыбельной. Должно быть то чувство особенности, которое до конца не растворяется во всеобщности глобального Вавилона.

На первый взгляд, в наш секулярный век некоторым может показаться проблематичной формула о православии. Однако она абсолютно корректна. В текущей реальности можно быть агностиком, атеистом, даже, наверное, неоязычником (но сразу скажу – не нужно). Но нация – это согласие живых и мертвых, потомков и предков. Русский человек не может отвергать и оплевывать большую часть своих предков, а они с конца X по начало XX века все были православными христианами, а большинство из них остались таковыми и после этого рубежа.

Когда мы говорим о православии, как о факторе, создающем русскую культуру, речь не столько о личном религиозном самоопределении человека, которое он, в конечном счете, обсуждает с Богом на Страшном суде. Мы говорим об исторической религиозной традиции народа.

Религиозная традиция – это, к примеру, пространственная этническая и цивилизационная кодировка, разметка «нашего» и «не нашего». Европа – это пространство, где высятся готические соборы. Европа без устремленных ввысь стрельчатых арок – какая-то не настоящая, второсортная. Мир ислама соткан из бесчисленных голосов муэдзинов, переплетающихся в пространстве между минаретами. Русское пространство – это золотые главы и шатровые колокольни. Где они есть, – там Русь. Там, где их не видно, где они уничтожены, теряется и русское качество пространства, оно впадает в забвение.

Наши предки это отлично понимали, и поэтому особым русским направлением церковного зодчества стал шатровый стиль – обращенный не вовнутрь, как византийский храм, а наружу, в экстерьер, подобно Василию Блаженному или церкви Вознесения в Коломенском.

Задача такого храма – обозначить присутствие Божие, присутствие православной веры в окружающем ландшафте.

Когда, готовясь к грандиозному Казанскому походу, русские рати ставили на волжском мысу крепость Свияжск, то заранее подготовлены были и спущены затем по реке срубы стен, домов и церквей. Церковь должна была встать на новом рубеже одновременно с городом. Потому что – как обозначить иначе пришествие русского народа? Произнесите мысленно: «русский пейзаж». Что представится вашему умственному взору? Петляющая речка. Один берег низкий, луговой, другой – высокий, поросший лесом. И там, на горе, обязательно видна небольшая церквушка, увенчанная шатром или луковичной главкой.

Попытайтесь теперь мысленно убрать эту церквушку, и вы обнаружите, что пейзаж распался. Уже непонятно – Польша перед вами, Прибалтика или Россия, уже непонятно, люди здесь живут или же дикие звери. Нет церковной главы – и пейзаж обезглавлен. Убрали шатер – и смысловая определенность пространства расшаталась.

Можно ли русским стать или только родиться?

Стать русским можно, но для того, чтобы кто-то мог стать русским, должно быть достаточно большое число людей, которые русскими родились.

У любого этноса, даже у любой нации, хотя нация – это более сложное, политическое понятие, всегда существует определенное этническое, антропологическое ядро из людей с близкими антропологическими, генетическими, культурными чертами. Представители этого ядра очевидно более похожи друг на друга, чем на представителей окружающих общностей. Они говорят на сходном языке, ведут, по большей части, похожий образ жизни, имеют общую историческую память, которая делит для них мир на «своих» и «чужих».

Современная политкорректность стремится устранить понятие рождения и воспитания как образующего этнос фактора. В «Декларации» об этом сказано совершенно неpolitкорректно, зато очень корректно.

«Рождение от русских родителей в большинстве случаев является отправной точкой для формирования русского самосознания, что никогда не исключало возможности присоединения к русскому народу выходцев из другой национальной среды».

Необходимо понимать, что, чтобы присоединиться к тому или иному этносу по своему свободному выбору, нужно войти в круг тех, кто в составе этого этноса родился и был воспитан, и быть принятым в этом круге как свой, включиться в цепь браков, рождений и воспитаний. «Арап Петра Великого», приехав в Россию и женившись на шведке, вряд ли стал в точном смысле слова русским, зато, включившись в русскую систему браков и рождений, где его род дважды скрестился со старинными русскими боярами Пушкиными (и отец и мать Александра Сергеевича имели в роду Пушкиных, чем он очень гордился), он стал прадедом великого русского поэта и страстного русского патриота.

Для того чтобы представитель другой этнической группы мог стать членом этноса, ему нужны образец, которому он мог бы уподобиться, и группа, с которой он мог бы смешаться. Если такой образец есть и такая группа есть, то ассимиляция, то есть вхождение новых членов в состав этноса, совершается сравнительно легко.

В первом поколении есть воля к сближению, во втором – все живут общей жизнью, в третьем уже все пережились, в четвертом различий порой не сыскать вовсе – придется долго изучать их, вглядываясь в антропологические черты, или копаться в генетических картах.

Скажем, в составе северной группы русского этноса более 30 % (а в составе русских в целом – 15 %) имеют мужскую Y-хромосомную гаплогруппу N1C. Это значит, что их прямые предки по мужской линии когда-то принадлежали к группам, родственным целому спектру народов – от финнов до якутов. Столетиями эти группы жили рядом со славянами, усвоили их язык и культуру, между собой перемешались, и сегодня, не покопавшись в слюне, не существует способа отличить потомка полян, древлян или северян от потомка чуди, веси или мери. И этот факт, кстати, опровергает глупость про «происхождение по матери ничего не значит» – значит, особенно если речь идет о длящихся десятилетиями и столетиями семейных связях,

С другой стороны, для славян, как и для всех восточных индоевропейцев, характерна Y-хромосома R1a1. Её носителями являются 46 % русских, больше только у белорусов (тоже русских) и поляков. Несомненно, представители этой группы создали, так сказать, обобщенное славянское генетическое и антропологическое лицо русских.

Однако в своей основе ничего «славянского» в этой группе нет – она древняя восточно-индоевропейская. Она выявлена у 68 % таджиков, 65 % киргизов, четверти татар и башкир, предки этих народов – индоевропейское население, носители культуры шнуровой керамики, жившие в бронзовом веке. Когда-то это население было тюркизировано, исламизировано, при-

обрело ряд новых лингвистических, культурных, исторических черт, и их генетика ничуть не делает их «более славянами», чем потомков чуди и мери.

Народ, этнос не может быть сведен к однородной генетической и антропологической группе. Если бы генетика имела бы власть над национальной идентичностью, то османские янычары, отобранные мальчиками по налогу кровью – девширме – из христианских народов империи, разбегались бы или переменяли сторону при столкновении со своими соплеменниками. Но они этого не делали, хотя их отбирали даже не во младенчестве, а в предподростковом возрасте.

Биологическое сходство является важным фактором, иногда – первичным опознавательным знаком свой/чужой, но не может задать самосознания и единства взаимодействия. Превращают определенную человеческую популяцию в этнос общая система адаптации к ландшафту, общая традиционная культура, на основе которой осуществляется воспитание, общий живой язык и общая религиозная и историческая идентичность и совместная жизнь.

У каждого большого и малого этноса есть та среда, в которой он чувствует себя как рыба в воде, среди которой умеет жить. Именно единство этой среды чаще всего определяет ареал распространения и психологию (и, разумеется, хозяйственную жизнь) этноса.

Скажем, для русских таким вмещающим ландшафтом является сеть больших и малых рек с удобным переходом из одного бассейна в другой. Россия получилась такой огромной именно потому, что на территории нашего расселения эта сеть настолько огромна, с прилегающими к ней морями протянувшись до Амура, Усури и Анадыря. Горы, степи, тайга, тундра – всё оказывалось при расселении русских вторичным элементом, если присутствовал главный, опорный – реки. Сегодня нашу страну связывают уже железные реки по которым ходят скоростные поезда, нас соединяет сеть скоростных авиасообщений, но базовый образ пространства, усвоенный нами в эпоху, когда река была самым быстрым средством передвижения, – остается.

Первенствующее этнообразующее значение имеет культура младенческого и детского традиционного воспитания – бабушкины сказки, первые игры и воспроизводимая в них картина мира, семейное окружение с его языком, материальной культурой, игрушками. Когда мы говорим, что всасываем свою этническую идентичность с молоком матери, то имеется в виду именно это.

В большинстве культур носителями такого первичного воспитания являются женщины – матери и особенно бабушки. Только в тех обществах, где состав матерей во многом случаен, формировался в значительной степени из пленниц, представительниц соседних племен, роль мужчин при первичном воспитании и определении этнического самосознания была выше. Но, в любом случае, центральное значение имеет долгая семейная традиция – значение бабушек и дедушек при этническом самоопределении зачастую намного больше, чем отцов и матерей.

Семья – это микрокосм нации. В своей основе этнос всё равно остается социальным механизмом, обеспечивающим рождение и воспитание детей в рамках определенной культурной традиции. Успешность этноса определяется тем, что его каждое следующее поколение чуть больше предыдущего ассоциирует себя именно с этой культурой. Напротив, неудача этноса – это ситуация, когда все, кто имеет возможность из этноса «выписаться», стараются как можно скорее это сделать.

Огромную роль в этническом самоопределении играет язык. Только надо правильно понимать, что тут имеется в виду. Критики значения языка как этноопределяющего фактора любят ссылаться на мифического «филолога-слависта из американского университета», который, отлично выучив язык Пушкина, оказался бы большим славянином, чем безграмотный русский мужик с его «тудыйный» и «ложи».

На самом деле – нет. И блестяще выучивший словарь и грамматику филолог, равно как и безграмотный гастарбайтер, живой русской речью на деле не владеют. Речь одного русского

человека, выстроенная на основе русских корней и флексий, будет всегда понятна другому русскому человеку, но будет совершенно непонятна иностранцу, будь он хоть таксист, хоть филолог. Природный носитель родного языка выстроит текст так, как никогда этого не сможет сделать выросший в другой языковой стихии иностранец. Природный носитель языка имеет привилегию творить на нем, создавать его новые формы, развивать свою родную речь, а его удачные находки закрепляются принятием другими носителями.

Большинство развитых религий современного мира наднациональны. В этом смысле, конечно, нельзя считать религию этноопределяющим фактором самим по себе. Но на практике религия – это определенный образ жизни, определенная система этических и ритуальных запретов, определенная система установок на связь с высшим началом. И вот она-то формирует тот набор жизненных практик, принятых и отвергаемых, которые обозначают очень важные этнические границы. Скажем, мир пасхальных яиц и мир кровавых жертвоприношений (и стоящих за этими ритуалами представлений) это разные миры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.